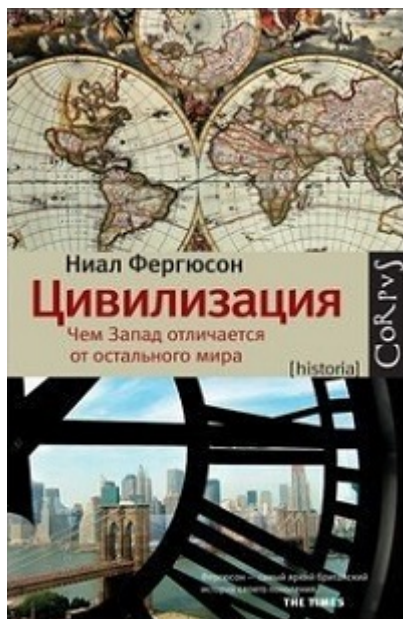

Ниал Фергюсон. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира

В начале XV века мир заметно отличался от нынешнего. Нас поразили бы контраст между могущественной Азией и страдающей от голода, усобиц и эпидемий Европой, между анархической Северной Америкой и империями Центральной и Южной Америки. Мысль о том, будто Запад способен доминировать в мире – в военном, экономическом или в культурном отношении, – тогда показалась бы странной. Тем не менее следующие полтысячи лет западные страны задавали тон. Скандально известный британский историк восстанавливает «рецепт успеха» Запада и задается вопросом, стоит ли в наши дни говорить о его «закате».

Ссылку на Фергюсона я нашел у Талеба в [Антихрупкости...](#) См. также [Что почитать по менеджменту](#). Книга и автор подвергаются серьезной критике, см., например, [Цивилизация, нарисованная кайлом](#).

Ниал Фергюсон. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 544 с.

Купить книгу в [Ozon](#) или [Лабиринте](#) (в электронном виде книгу мне найти не удалось)

Предисловие к британскому изданию

О методологии истории. Уже около 30 лет в западных школах и университетах дают гуманитарное образование, не предполагающее знания истории. Сценарист «Любителей истории» Алан Беннетт предложил «трилемму»: следует ли преподавать историю методом рассуждений от противного, или связывать ее с Истиной и Красотой прошлого, или представлять ее просто как «одну херню, случившуюся за другой»? Беннетт, очевидно, не понимал, что нынешним школьникам предлагают из вышеупомянутого в лучшем случае разрозненный набор этой самой «херни».

Прежний президент университета, в котором я преподавал, однажды признался, что, когда он был студентом Массачусетского технологического института, мать попросила его записаться по крайней мере на один курс истории. Блестящий молодой экономист ответил, что сильнее интересуется будущим. Теперь он понимает, что это иллюзия. Нет «будущего» — есть лишь «будущие».

Историки не ученые. Они не могут (и не должны даже пытаться) выводить универсальные законы социальной или политической «физики», обладающие надежной предсказательной силой. Почему? Да потому, что нет возможности повторить многотысячелетний «эксперимент» человечества. «Частицы» в этом громадном эксперименте обладают сознанием, притом подверженном когнитивному искажению, то есть их поведение предсказать труднее, чем поведение неодушевленных подвижных частиц. Не стоит заблуждаться, будто исторические нарративы¹ есть

¹ [Нарратив](#) – изложение взаимосвязанных событий, представленных читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Часть значений термина «нарратив» совпадает с общеупотребительными словами «повествование», «рассказ».

нечто большее, нежели подтасовка, сделанная задним числом. Нашим предкам западное господство отнюдь не казалось вероятнейшим из сценариев будущего.

Введение. Вопрос Расселаса

В 1500 году будущие европейские империи занимали около 10% поверхности земной суши и охватывали около 16% населения планеты. К 1913 году 11 западных империй (Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Россия, Великобритания и США) контролировали почти 3/5 суши и населения и около 3/4 (79%) мирового производства. Что такое после XV века произошло с цивилизацией Западной Европы, что позволило ей превзойти казавшиеся недостижимыми империи Востока? Простой ответ – империализм. Но империализм не является исторически достаточным объяснением западного господства. Империи существовали задолго до империализма. В XVI веке мощь и территория многих азиатских империй росли, а Европа после провала проекта Карла V по строительству великой Габсбургской империи от Испании до Нидерландов и Германии сделалась разобщеннее, чем когда-либо. Реформация привела к религиозным войнам, длившимся дольше века.

Но если империализм не объясняет западное господство, то не был ли успех Запада, как утверждают некоторые ученые, удачным стечением обстоятельств? Философ Имлак заметил на это: «Они [европейцы] могущественнее нас, потому что мудрее. Знание будет всегда господствовать над невежеством, подобно тому, как человек повелевает другими животными».

Но действительно ли европейцы знали больше всех? Уровень развития китайской техники, индийской математики и арабской астрономии столетиями превосходил западный. Если так, не обладали ли европейцы неким культурным, менее явным преимуществом? Такое предположение выдвинул немецкий социолог Макс Вебер. Этот тезис имеет много вариантов — средневековый английский индивидуализм, гуманизм, протестантская этика, — а подтверждения ему находят буквально везде — от завещаний английских крестьян и гроссбухов средиземноморских купцов до придворного этикета. Дэвид Лэндис в «Богатстве и бедности народов» высоко оценил роль культурных факторов. Он указал, что Западная Европа опередила остальной мир, поскольку позволяла самостоятельное научное исследование, применение научного метода, рационализацию исследования и его распространение. Правда, Лэндис допустил, что для распространения этой парадигмы потребовалось еще кое-что: кредитно-финансовые учреждения и добросовестное государственное управление. Ключ к успеху (это становится все яснее) — общественные институты.

Джаред Даймонд в книге [Ружья, микробы и сталь](#) (1997) предложил ответ на вопрос, почему одна часть Евразии обошла другую. Ответ Даймонда таков: монолитные империи, занимавшие равнины Восточной Евразии, душили изобретательство, а многочисленные монархии и города-государства в изрезанной горными цепями и реками Западной Евразии постоянно пребывали в состоянии творческой конкуренции и обмена.

Я хочу показать, что главными источниками могущества, отличающими Запад от остального мира, стали 6 групп уникальных институтов и связанных с ними идей:

1. *Конкуренция.* Децентрализация политической и экономической жизни, явившаяся трамплином для национальных государств и для капитализма.
2. *Наука.* Способ познания, объяснения и преобразования природы, давший Западу, кроме прочего, подавляющее военное преимущество перед остальным миром.
3. *Имущественные права.* Верховенство права как способ защиты собственников и мирного разрешения имущественных споров, легшее в основу наиболее устойчивой формы представительного правления.
4. *Медицина.* Область научной и практической деятельности, положительно повлиявшая на качество и продолжительность жизни сначала в западных странах, а затем в их колониальных владениях.
5. *Общество потребления.* Образ жизни, при котором производство, продажа и покупка потребительских товаров (одежда и так далее) играют в экономических процессах центральную роль. Без общества потребления Промышленная революция была бы невозможна.

6. *Трудовая этика*. Нравственная концепция и образ действия, возникшие отчасти в протестантизме, связывающем динамичное, потенциально нестабильное общество, созданное

Глава 1. Конкуренция

Запретный город в сердце Пекина строили более миллиона рабочих из материалов, свезенных со всех концов Китая. Запретный город почти с тысячей строений, символизировавший могущество династии Мин, — не только обломок некогда величайшей цивилизации, но и напоминание о том, что ни одна цивилизация не вечна. Еще в 1776 году Адам Смит мог считать Китай «одной из самых богатых, то есть наиболее плодородных, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и самых населенных стран в мире... Эта страна богаче любой части Европы». И все же он оговорился, что Китай пребывает «в состоянии застоя». Смит был прав. Менее чем через столетие после постройки Запретного города (1406–1420) начался упадок Востока. Тогда нищие и склочные микроскопические страны Западной Европы начали свою почти неудержимую экспансию, длившуюся полтысячелетия, а великие империи Востока постепенно впали в кому.

Столица империи — Нанкин (население в 1420 году составляло от полумиллиона до миллиона человек) — вероятно, была в то время крупнейшим городом мира.

В начале XV века Темза по сравнению с Янцзы представляла собой тихую заводь. Лондон, куда Генрих V вернулся в 1421 году после побед над французами (самая известная — при Азенкуре), едва ли можно было назвать хотя бы городком. Протяженность старых, многократно латанных стен составляла около 4,9 км, — малая часть длины стен Нанкина.

Чем объяснить превосходство Востока? Прежде всего, сельское хозяйство здесь было гораздо производительнее европейского. В Восточной Азии продуктивность рисоводства была очень высокой, и поля площадью 1 акр [0,405 га] хватало, чтобы прокормить семью, тогда как в Англии для этого требовалось в среднем 20 акров. Это объясняет, почему население Восточной Азии было больше населения Западной Европы.

Поколения западных людей были склонны думать об имперском Китае как о статичном обществе с аллергией на нововведения. В работе «Конфуцианство и даосизм» (1915) Макс Вебер указывал, что конфуцианский рационализм есть средство «приспособления к миру», в то время как Западу свойственно стремление к «овладению миром».

Считается, что печатный станок появился в Германии в XV веке. На самом деле его изобрели в XI веке в Китае. И бумага появилась в Китае раньше, чем на Западе.

Европейцы были не в состоянии производить у себя корицу, гвоздику и мускатный орех, однако нуждались в них. Древний маршрут транспортировки пряностей пролегал по Индийскому океану и Красному морю либо по суше через Аравию и Анатолию. К середине XV века последний отрезок этого пути взяли под контроль турки и венецианцы. Португальцы сообразили: если найти другую дорогу в Азию — вдоль западного побережья Африки и вокруг мыса Доброй Надежды, — то сверхприбыльный бизнес может оказаться у них в руках.

Восьмого июля 1497 года Васко да Гама поднял паруса и в середине следующего года достиг Каликута на западном побережье Индии. К заморской экспансии присоединились и другие европейцы. Вслед за Португалией в дело вступила Испания. Испанцы перехватили инициативу в Новом Свете. В 1494 году Тордесильяский договор разделил мир между двумя иберийскими державами, и те смогли взглянуть на имперские достижения с наибольшей уверенностью в себе. Однако голландцы — непокорные и предприимчивые подданные испанской короны — также высоко оценили потенциал нового маршрута торговли пряностями. К середине XVII века они превзошли португальцев и в числе судов, огибающих мыс Доброй Надежды, и в отношении тоннажа. Старались не отстать и французы.

А что же англичане? В 1496 году Джон Кабот, отправившийся из Бристоля, предпринял первую попытку пересечь Атлантический океан. В 1553 году корабли Хью Уиллоби и Ричарда Ченслера покинули Дептфорд, чтобы найти Северо-Восточный проход в Индию. Мир впал в безумие конкуренции. Но открытым остается вопрос: почему европейцы с большим, чем китайцы, энтузиазмом относились к торговле? Почему да Гама был столь жаден, что был готов пойти на убийство ради денег? Ответ можно найти на картах средневековой Европы: здесь буквально сотни

стран, от королевств на западном побережье до россыпи городов-государств между Балтикой и Адриатикой. В Европе XIV века насчитывалось до 1000 государств, 200 лет спустя — около 500 более или менее независимых образований. Почему? Самый простой ответ — география. В Китае три крупных реки: Хуанхэ, Янцзы и Чжуцзян, и все три текут с запада на восток. А в Европе множество рек, и текут они в разных направлениях. Не забудем и о горах, например, Альпах и Пиренеях, а также лесах и болотах Германии и Польши. Монголам было проще добраться до Китая. Европа же была менее проходима для орд и поэтому испытывала меньшую потребность в единстве.

Конечно, гибельные конфликты случались и в Европе. В 1500–1799 годах Испания воевала 81% этого времени, Англия — 53%, Франция — 52%. Однако непрерывная война приносила и выгоды. Во-первых, она вела к совершенствованию военной техники. Во-вторых, выигрыш от почти постоянных конфликтов в Европе состоял и в том, что доходы соперничавших государств, из которых оплачивалась война, постепенно росли. С XIII века итальянцы, а следом и другие европейцы экспериментировали с небывалыми доселе механизмами государственных заимствований и заложили фундамент современного рынка облигаций. Институт государственного долга в Китае эпохи Мин не был известен.

Другое фискальное новшество всемирного значения — идея голландцев предоставлять монопольные права на торговлю акционерным обществам в обмен на долю доходов, а также признание того, что торговые компании (по сути, субподрядчики) действуют в государственных интересах и против конкурирующих правительств. На Востоке не было ничего подобного. Хотя королевские доходы благодаря торговым компаниям выросли, королевские прерогативы сократились. В государстве нюхи раннего нового времени появились дополнительные влиятельные игроки: банкиры, держатели облигаций, управляющие торговых компаний. Европейские монархи, соревнуясь друг с другом, поощряли торговлю, завоевания и колонизацию.

Характерная для Европы политическая раздробленность не позволяла построить что-либо даже отдаленно напоминающее Китайскую империю. Это также побуждало европейцев пытаться счастья (в экономическом, геополитическом и религиозном отношениях) в далеких землях. Восточная Азия по сравнению с «лоскутной» Европой являлась (по крайней мере в политическом отношении) однотонной.

Уже в 30-х годах XII века Генрих I даровал лондонцам право избирать шерифами и судьями тех, «кого они сами пожелают», и отправлять правосудие и вести финансовые дела без вмешательства короны и других властей. В 1191 году, когда Ричард I воевал в Святой земле, Лондон приобрел право выбирать себе мэра, и это право в 1215 году подтвердил король Иоанн³². Поэтому Сити никогда не трепетал перед короной.

Как и у Великой стены, в XV веке у Запретного города не имелось аналога на Западе и тем более в Лондоне, где власть делили король, Палата лордов и Палата общин, Лондонская корпорация и гильдии. У них были дворцы и палаты — но, по восточным меркам, очень скромные. Китаем на всех уровнях управляла конфуцианская бюрократия, пополняемая, вероятно, при помощи самой сложной в истории экзаменационной системы.

Династия Мин воцарилась в Китае в 1368 году. Три следующих столетия Китай почти во всех отношениях превосходил остальные цивилизации, а в середине XVII века эта сложная система пошла вразнос. Итоги правления династии оказались катастрофическими. В 1580–1650 годах население Китая сократилось на 35–40%. Замкнутость обернулась западной, особенно для такого сложного общества, как китайское. Оно достигло равновесия — впечатляющего, но хрупкого. Сельское хозяйство могло прокормить на удивление много людей, но лишь при крайне статичном общественном устройстве, которое буквально перестало воспринимать что-либо новое. Это была своего рода ловушка. Когда что-то пошло не так, ловушка захлопнулась: для выхода из кризиса не нашлось ресурсов.

Задолго до Промышленной революции небольшая Англия выигрывала в сравнении с великими цивилизациями Востока благодаря торговле и колонизации. Отказ Китая и Японии от внешней торговли и курс на интенсификацию разведения риса привели к тому, что с ростом населения доходы упали. То же произошло с питанием, средним ростом и производительностью. Когда случался неурожай или хрупкому сельскому хозяйству что-либо угрожало, результаты были катастрофическими.

В 1793 году посольство во главе с будущим графом Джорджем Макартни отправилось к императору Цяньлуну, чтобы попытаться убедить его открыть Китай для внешней торговли. Китайский правитель передал королю Георгу III высокомерное письмо: «Мы имеем абсолютно все. Я не придаю цены странному или хитро сделанным предметам и не нуждаюсь в изделиях вашей страны».

Запад показал свою силу в июне 1842 года, когда в ответ на уничтожение запасов опиума рьяным китайским чиновником английские корабли дошли по Янцзы до Великого канала. Китай был вынужден уплатить контрибуцию в 21 миллион серебряных долларов, открыть для британской торговли 5 портов и уступить остров Гонконг.

Конкуренция, компании, рынки, торговля — от всего этого Китай когда-то отвернулся. Теперь все иначе. Дэн Сяопин, величайший реформатор постмаоистской эпохи, однажды заявил: «С середины эпохи Мин до Опиумных войн, за 300 лет изоляции, Китай обнищал, отстал в развитии и погряз в темноте и невежестве. О самоизоляции не может быть и речи».

Глава 2. Наука

С VII века, когда ислам покинул аравийские пустыни, Запад и Восток постоянно конфликтовали. Последователи Мухаммеда вели джихад против последователей Иисуса Христа. Христиане ответили крестовыми походами в Святую землю (в 1095–1272 годах их было 9) и Реконкистой — отвоеванием Испании и Португалии. Три последних века Запад (если не считать отдельных неудач) последовательно выигрывал и этом «столкновении цивилизаций» — в том числе благодаря своему превосходству в научной сфере. Однако так было не всегда.

Халифат Аббасидов находился на переднем крае науки. В халифате появились, как считается, первые настоящие больницы, открылся, по-видимому, и первый университет — Карауин в Фесе (основан в 859 году). Основываясь на греческих и особенно индийских разработках, мусульманские математики открыли алгебру (от араб. *аль-джабр*). Запад должен быть благодарен средневековому мусульманскому миру, во-первых, за сохранение античной мудрости, а во-вторых, за развитие картографии, медицины, философии, математики и оптики. Роджер Бэкон признавал: «Философия пришла к нам от мусульман». Почему исламский мир проиграл Западу соревнование в науке? И как научная революция помогла западной цивилизации получить превосходство и в военном отношении, и в отношении знаний?

Османлы, основавшие государство на руинах Византийской империи, со времени завоевания Константинополя в 1453 году являлись лидерами мусульманского мира. Они преуспели в насаждении ислама не только в бывших византийских землях по обе стороны черноморских проливов, но и в Болгарии, Сербии и Венгрии. Белград пал в 1521 году, Буда — в 1541 году. В 1522 году турки захватили Родос. Семнадцатый век увидел дальнейшие успехи турок. В июне 1683 года турки вторглись во владения Габсбургов и к началу июля взяли Дьер. Леопольд в Вене трепетал от страха. 13 июля 1683 года, силы Кара Мустафы — 60 тысяч янычар и кавалеристов-сипахов, 80 тысяч солдат из балканских вспомогательных частей и татарская орда — подошли к Вене.

Однако, промедление турок дало Леопольду время собрать силы. Ещё до османского вторжения он заключил союз с Польшей. Недавно избранный польский король Ян III Собеский — уже немолодой, но желающий прославиться — собрал 60-тысячную армию: поляков, баварцев, франконцев и саксонцев, а также габсбургские войска. На рассвете 12 сентября 1683 года началась атака. Османские силы были разделены. Одни части отчаянно пытались ворваться в город, другие, в арьергарде, дрались с наступавшей польской пехотой. Турки были повержены.

Для Османской империи неудача под Веной ознаменовала начало конца. Империя была ослаблена. После череды поражений (кульминация — победа принца Евгения Савойского при Зенте в 1697 году) османлы утратили и Европе почти все земли, завоеванные Сулейманом Великолепным. Подписанный в Карловичах договор, закрепивший отказ султана от притязаний на Венгрию и Трансильванию, был унижительным (рис. 1).

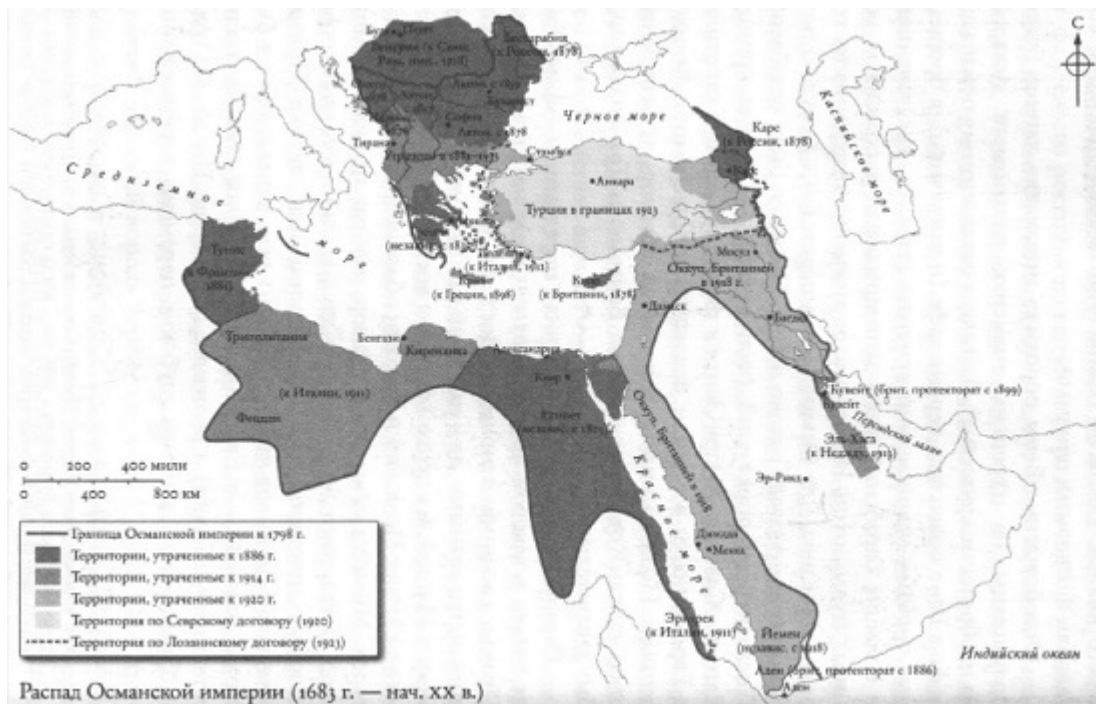

Рис. 1. Распад Османской империи

Европейский путь к научной революции и Просвещению не был ни прямым, ни коротким. Он начинается с принципа отделения церкви от государства. Предписание «воздавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» очень отличается от коранических. Коран настаивает на неотделимости божественного закона, данного в откровении Мухаммеду, от власти, основанной на исламе.

Ренессанс — во многом благодаря контактам с мусульманским миром — вернул в оборот античные знания. Но еще важнее Ренессанса были Реформация и раскол западного христианства после 1317 года. В значительной мере это произошло под влиянием книгопечатания — несомненно, важнейшего изобретения эпохи, предшествовавшей Промышленной революции. От книгопечатания выигрывали все: в XVI веке города, к которым имелись типографии, развивались быстрее тех, в которых типографий не было.

Научная революция началась с почти одновременных успехов в исследовании движения планет и кровообращения. Микроскоп указал науке новые пути. «Микрография» Гука стала манифестом эмпиризма, противоположного фаустовской магии. Было не так-то легко совместить новую науку с христианской доктриной, от которой были готовы отказаться не многие. Бесспорно, интеллектуальная революция оказала влияние сильнее, нежели религиозная, ей предшествовавшая и неумышленно ее вызвавшая. Сложились основные правила исследований, в том числе касающиеся публикации результатов и приоритета.

Перед теми, кто порицает «европоцентризм» как предубеждение, встает проблема: научная революция всецело европоцентрична. Около 80% ее героев родилось в шестиугольнике с вершинами в Глазго, Копенгагене, Кракове, Неаполе, Марселе и Плимуте. Напротив, научные успехи турок в тот же период были скромны. Лучшее объяснение этого расхождения — неограниченная власть религии в мусульманском мире. В конце XI века некоторые влиятельные имамы решили, что изучение греческой философии несовместимо с Кораном. Медресе сосредоточились на богословии как раз тогда, когда европейские университеты расширяли круг своих интересов. Мусульманский мир сопротивлялся и книгопечатанию. Неспособность турок примирить ислам с научным прогрессом имела для них пагубные последствия.

Спустя 70 лет после осады Вены два человека стали воплощением расширяющегося разрыва между западной и конкурирующей с ней мусульманской цивилизациями. Осман III лениво правил из Стамбула империей, клонящейся к упадку, а Фридрих Великий проводил реформы, которые сделали Пруссию олицетворением эффективности и рациональности. Либерализм указов, изданных Фридрихом после коронации, поражает и сегодня: они провозглашают не только религиозную терпимость, но и неограниченную свободу печати и открытость страны для иммиграции. В 1700 году фактически почти каждый пятый житель Берлина был французом-гугенотом и жил во французской

«колонии». Были также зальцбургские протестанты, вальденсы, менониты, шотландские пресвитериане, евреи, католики и открытые скептики. Фридрих провозгласил: «Здесь каждый может искать спасения таким образом, который представляется ему наилучшим» (даже мусульмане).

Турки к тому времени поняли, что должны учиться у Запада. В Стамбул приглашали западных советников. Клод Александр де Бонневаль занимался реформированием корпуса хумбараджи (бомбардиров). Франсуа де Тотта, француза венгерского происхождения, пригласили руководить постройкой новых защитных сооружений столицы. Правительство признало в 1838 году: «Религиозное знание служит нашему спасению в будущей жизни, наука служит совершенствованию человека в этом мире». Однако лишь в 1851 году было созвано Собрание по делам знаний (Энджюмен-и даниш), устроенное по образцу Французской академии.

Несмотря на усилия великих визирей ни одно из этих нововведений не сопровождалось реформой османской системы государственного управления. Туркам нужны были не только новые дворцы, но и новая конституция, алфавит, фактически новое государство. И они получили все это — в значительной степени благодаря усилиям одного человека. Его звали Кемалем Ататюрком. Он желал стать турецким Фридрихом Великим.

Ключевую роль в переориентации Турции сыграла радикальная реформа языка (предполагавшая, кроме прочего, замену арабского алфавита турецким), которую Ататюрк проводил сам. Мало того, что арабское письмо символизировало господство ислама: оно плохо соответствовало звукам турецкого языка, так что большей части населения было трудно читать и писать. Манера одеваться тоже изменилась. Шляпа заменила феску и тюрбан, осуждалось ношение платков. Были приняты западный календарь и христианское летоисчисление. Но самым важным шагом Ататюрка стало провозглашение Турции светским государством. Халифат был упразднен в марте 1924 года. Месяц спустя распустили религиозные суды, а шариат сменился гражданским кодексом по образцу швейцарского. С точки зрения Ататюрка, ничто не сдерживало прогресс Османской империи сильнее, нежели вмешательство духовенства в науку.

Однако, сегодня в Египте и Сирии исламисты выступают против светских правительств этих стран. Турция также идет к исламу и антисиионизму, не говоря уже о неоосманской внешней политике.

Глава 3. Собственность

Глядя на мир сегодня, едва ли кто-то усомнится, что доминирующей силой в западной цивилизации являются США. Латинская Америка до сих пор далеко отставала от Британской Америки. Как и почему это случилось? Ключевым различием между Британской и Латинской Америками было представление о государственном управлении. Ошибаются те, кто называет эту идею «демократией» и думает, будто для этого достаточно устроить выборы. Демократия — замковый камень в здании, имеющем своим фундаментом верховенство права, точнее неприкосновенность свободы личности и защиту частной собственности, обеспеченных представительным, конституционным правлением.

Существенная проблема заключается в относительной важности для исторического процесса исходной обеспеченности ресурсами колоний в Новом Свете, а также институциональных образцов, принесенных из Европы. Если определяющими являются начальные условия, то не имеет большого значения, кто заполучил Перу: англичане или испанцы. Результат почти наверняка оказался бы тем же, потому что англичане стремились бы ограбить инков и столь же вероятно пали бы жертвой «ресурсного проклятия». По-видимому, испанские поселенцы проявили бы больше изобретательности, окажись они в Чесапикском заливе, лишенном золотых россыпей. Но если считать, что ключевая переменная — это институты, то возникают разнообразные варианты.

Везде английская колонизация привела к лучшим экономическим результатам, нежели испанская или португальская. Этот факт не является окончательным доводом, поскольку не существует двух одинаковых колоний, однако Аризона все же богаче Мексики, а Гонконг богаче Манилы. Таким образом, возможно, колонизация англичанами Мексики и Перу привела бы в отдаленном будущем к лучшим результатам, а это, в свою очередь, привело бы к образованию каких-нибудь Соединенных Штатов Центральной и Южной Америки. А испанская колонизация Северной Америки, возможно, оставила бы ее и относительно бедной, и разобщенной.

Капитан судна, прибывшего в Каролину, привез в Новый Свет «Основные законы» — институциональный шаблон с особым упором на вопрос о земле. «Основные законы» составил в

марте 1669 года Джон Локк. Локк дабы «избежать... многолюдной демократии», набросал следующий проект: «...никто не может быть избран в парламент, если он не владеет на праве собственности менее чем 500 акрами земли в округе, от которого избирается; и никто, владеющий на праве собственности менее чем 50 акрами земли в указанном округе, не может участвовать в выборах указанного члена [парламента].

Чтобы привлечь поселенцев, «...каждому полноправному гражданину, который приедет... до 25 марта 1672 года сюда для жительства и обустройства, полагается навечно 100 акров земли для него и его наследников». В Англии собственность была сосредоточена в руках немногих (в 1436 году 6–10 тысяч дворянских семей владели около 45% земли, церковь — 20%, корона — 5%). А в Америке буквально из низов можно было шагнуть вверх по лестнице собственности. В этом заключалась суть системы подушного права (также существовавшей в Виргинии, Мэриленде, Нью-Джерси и Пенсильвании). Она отлично подходила для колоний, где земли было много, а рабочих рук не хватало.

Начало «демократии собственников» было очень скромным. Тем не менее институты, подобные этому, стали основой для революции в управлении. Английская корона заложила основание своей американской империи. В испанских колониях земля была распределена диаметрально противоположным способом. Немногие дворяне владели огромными территориями. Кроме того, испанское владычество подразумевало власть католической церкви. Католицизм отнюдь не был злом, однако важно то, что он представлял собой еще одну монополию. Напротив, Северная Америка стала домом для многочисленных протестантских деноминаций. Инакомыслие и многообразие были среди организующих принципов английской колонизации.

2 июля 1776 года толпа перед Старой биржей в Чарлстоне слушала, как Южная Каролина объявляет о независимости от Великобритании. Такое случилось впервые. Около 40 лет спустя пришел конец испанскому правлению в Латинской Америке. Первая революция, в Северной Америке, закрепила «демократию собственников» и привела к созданию федеративной республики, которая через столетие стала богатейшим государством мира, за южноамериканскими революциями последовали два века раздробленности, нестабильности и экономической отсталости всей Америки южнее реки Рио-Гранде.

Конституция 1787 года — самый впечатляющий в истории пример создания политического института, — чтобы создать жизнеспособную федеральную структуру. Недавние колонисты приняли не только квартет властей по Локку (исполнительная власть, двухпалатный парламент и Верховный суд), но и единый рынок, торговую политику, валюту, армию и (это очень важно) единый закон о банкротстве — и не забудем о Четвертой поправке, защищающей «от необоснованных обысков и арестов». По сути, все это имело отношение к собственности.

Симон Боливар должен был стать Вашингтоном Южной Америки. Но, хотя он тоже победил империю — Испанскую, ему не удалось создать Соединенные Штаты Южной Америки. Война за независимость не только сплотила бывшие английские колонии (впрочем, Канада и колонии Карибского бассейна остались верны империи, как и многие американцы-лоялисты, покинувшие молодую республику). Она направила США по пути к не превзойденному до сих пор никем процветанию и могуществу. В то же время независимость от Испании оставила Южной Америке в наследство конфликты, бедность и неравенство.

Боливар мечтал не о демократии, а о диктатуре, и не о федерализме, а об унитаризме. Проект Конституции (1826), подготовленный Боливаром, содержал положение об избрании пожизненного президента с правом назначения преемника. Боливар объявил: «Я до мозга костей убежден, что Америкой можно управлять только с помощью дееспособного деспотизма... [Мы не можем] позволить себе ставить законы выше вождей и принципы — выше людей»⁶⁶. Его «Органический декрет о диктатуре» (1828) ясно дал понять, что в боливарианской Южной Америке не место ни демократии собственников, ни верховенству права.

Вторая проблема заключалась в неравном распределении собственности. Семья самого Боливара владела 5 большими поместьями, занимавшими более 120 тысяч акров. В Венесуэле после провозглашения независимости почти вся земля принадлежала креольской элите, насчитывающей всего ю тысяч человек — 1,1% населения. Контраст с США в этом отношении разителен. В сельских районах США в 1900 году землей владело почти 75%.

И по сей день это одно из самых заметных различий между Северной и Южной Америкой. В Перу в 1958 году всего 2% землевладельцев владели 69% пахотной земли, а 83% владели всего 6% земли. Третья трудность, тесно связанная с предыдущей, состояла в том, что степень расовой разобщенности в Южной Америке была гораздо выше. Таким образом, в итоге южноамериканское единство, задуманное Боливаром, оказалось невозможным. После восстаний в Новой Гранаде, Венесуэле и Эквадоре предложение о создании конфедерации было отвергнуто, да и сама Великая Колумбия распалась, когда из нее вышли Венесуэла и Эквадор (рис. 2).

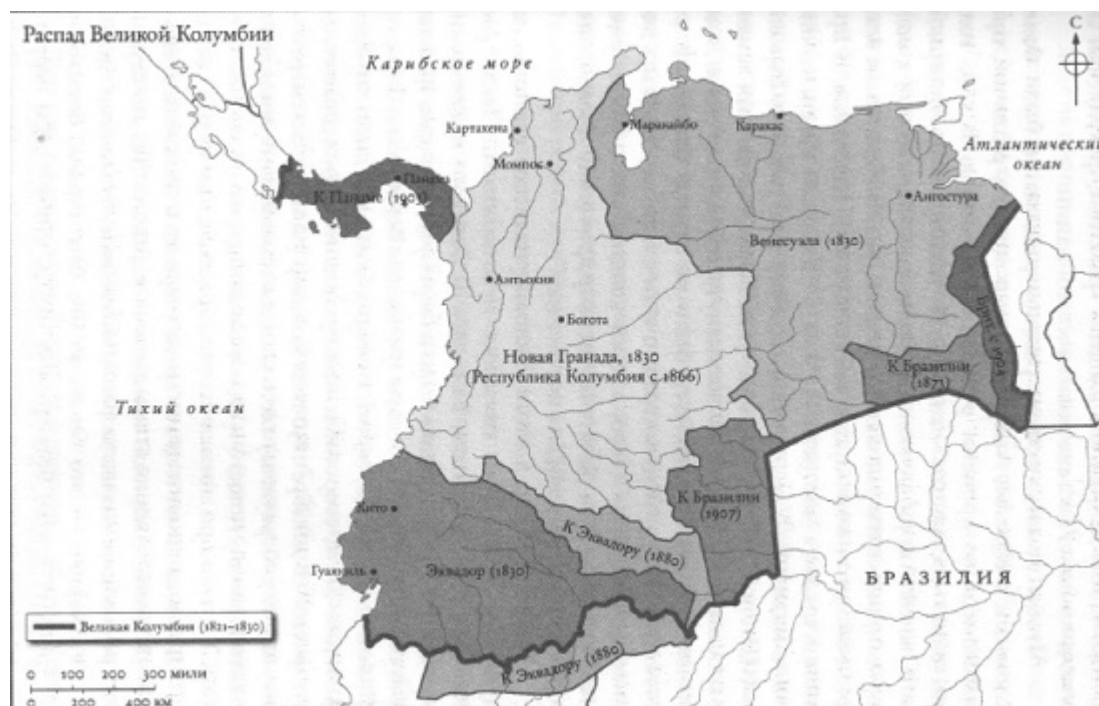

Рис. 2. Распад Великой Колумбии

Ставшие независимыми государства начали свое существование без традиции представительного правления, с глубоко неравным распределением земли и с межрасовой враждой, тесно связанной с экономическим неравенством. Результатом явилась чехарда революций и контрреволюций: неимущие боролись за то, чтобы получить на несколько акров больше, а креольские элиты цеплялись за свои гасиенды. Демократические эксперименты вновь и вновь терпели неудачу, поскольку при первом намеке на экспроприацию элиты облачались в мундир каудильо, чтобы при помощи насилия восстановить статус-кво. Это плохой рецепт для экономического роста.

Ничто не иллюстрирует разницу между двумя американскими революциями лучше, чем следующий факт: у США одна конституция (изменяемая, но неизменная), а у Венесуэлы их пока было 26. Лишь у Доминиканской Республики было больше конституций — 32. Гаити и Эквадор занимают в этом рейтинге третью (24 конституции) и четвертую строки (20 конституций). В отличие от США, где конституция призвана укрепить «правительство законов, а не людей», в Латинской Америке конституции служат инструментами низвержения верховенства права.

На первый взгляд, рабство было одним из немногих институтов, которые имелись и в Северной, и в Южной Америке. Однако положение невольников в колониях Нового Света различалось. Для Бразилии рабство имело такое большое значение, что к 1825 году африканцы и их потомки составляли 56% населения (в испанских колониях — 22%, в Северной Америке — 17%). Рабам было легче получить свободу на латиноамериканских плантациях, чем в Виргинии.

Особенно поразительное различие между Северной и Южной Америкой состояло в отношении к «смешению рас». В Северной Америке межрасовые браки были табу. Латинская Америка сразу приняла как данность и смешанные браки, и рожденных в них детей: метисов, мулатов, самбо и так далее. Это было отчасти практическим следствием другого различия. Англичан, ехавших в Америку, нередко сопровождали женщины с Британских островов, а испанские и португальские мужчины-колонисты ехали за океан в основном одиночками. Поэтому пункт назначения — Северная или Южная Америка — для африканцев-невольников был все же важен. В Латинской Америке они оказывались в «плавильном котле». У раба-мужчины появлялся шанс получить свободу, если он переживет первые

несколько лет тяжелого труда, а рабыня вполне могла родить ребенка смешанной крови. Увезенные в США невольники попадали в общество, где различие между белыми и черными определялось и поддерживалось гораздо строже.

Белые расисты следующего поколения видели в сегрегации основную причину того, что США процветают, а «нечистокровные» народы Латинской Америки прозябают в нищете, а в некоторых случаях еще и «заражены» коммунизмом. Выдвинув лозунг «Сегрегация сейчас, сегрегация завтра, сегрегация навсегда», алабамский губернатор Джордж Уоллес представил расовую обособленность ключом к истории успеха Америки. И все же думать, будто своим успехом США обязаны сегрегации, глупо. Рабство и сегрегация вовсе не были необходимы для успеха Америки. Напротив, они явились помехами для развития, и последствия еще дают о себе знать в социальных проблемах, которые и сейчас терзают многие афроамериканские общины: подростковой беременности, отставании в образовании, злоупотреблении наркотиками и непропорционально высоких шансах оказаться за решеткой.

Глава 4. Медицина

С середины XIX до середины XX века Запад правил миром. То была эпоха империй. Крупнейшей колониальной империей, безусловно, была Британская. В канун Первой мировой войны Британская империя занимала примерно четверть земной суши и контролировала примерно такую же долю населения планеты. Она почти монополюно распоряжалась морскими путями и международной телеграфной сетью. Конечно, Великобритания была не единственной империалистической державой. Несмотря на ужасные потери, понесенные во время революционных и наполеоновских войн, французы спустя уже 15 лет после Ватерлоо вернулись к экспансии. Французская империя к 1913 году занимала чуть менее 9% суши. Бельгийцы, немцы и итальянцы также приобрели заморские колонии. Португальцы и испанцы сумели удержать значительную долю прежних своих владений. Тем временем русские расширяли сухопутную империю на Кавказе, в Сибири и Средней Азии.

В 1913 году одиннадцать метрополий, занимающих 10% земной суши, распоряжались более чем ее половиной. Около 57% населения планеты жило в империях, на которые приходилось около 4/5 валового мирового продукта. Постепенно становится все труднее винить колониализм в плачевном положении Африки. Одно из препятствий для экономического развития — предельно низкое качество государственного управления во множестве африканских государств. Средняя продолжительность жизни около 1800 года составляла всего 28,5 года. В 2001 году она достигла 66,6 года, причем этот рост отмечен не только в метрополиях.

Западная Африка не зря имела репутацию кладбища для белых. Памятник на острове Горэ 21 французскому врачу, погибшему при вспышке желтой лихорадки в 1878 году, красноречиво напоминает о риске, которому подвергались европейцы в Африке. Если бы показатели смертности оставались столь же впечатляющими, европейский колониальный проект в Африке мог погибнуть в зародыше. Как и все умелые колонизаторы, французы вели строгий учет. В Национальном архиве в Дакаре есть детальные отчеты о каждой вспышке каждой болезни во Французской Западной Африке: Сенегал — желтая лихорадка, Гвинея — малярия, Берег Слоновой Кости — проказа. Санитарные бюллетени, санитарные нормы, санитарные миссии: кажется, здравоохранение стало для французов навязчивой идеей.

В лабораториях изучали холеру, малярию, бешенство и оспу. Эти попытки были основаны на новаторских работах Луи Пастера, разработавшего микробную теорию в 50–60-х годах XIX века. В 1897 году французские колониальные власти запретили деятельность знахарей. Семь лет спустя они пошли дальше и подготовили план создания Туземной медицинской службы — первой в Африке службы здравоохранения. Французы не только распространили собственную систему здравоохранения на всю Французскую Западную Африку. В феврале 1905 года Рум приказал организовать бесплатную медицинскую помощь для местного населения, какой не было и в самой Франции. Благодаря сети здравпунктов современная медицина должна была стать достоянием всех африканцев во французских колониях.

В начале XX века Германия находилась в авангарде западной цивилизации. Немецким профессорам доставалась львиная доля Нобелевских премий: 33% лауреатов в 1901–1910 годах, 29% — в следующее десятилетие. Немецкие университеты лидировали в исследованиях в области химии и

биохимии. Честолюбивые аспиранты съезжались со всей Европы в Геттинген, Гейдельберг и Тюбинген. После Пастера главным авторитетом в бактериологии стал Роберт Кох. Другой немец, Эмиль фон Беринг, стал одним из создателей противостолбнячной и противодифтерийной вакцин (за которые получил Нобелевскую премию и Железный крест). Фриц Шаудин и Эрих Гофман открыли бледную спирохету — возбудителя сифилиса, а Пауль Эрлих совместно с другим немецким ученым синтезировал сальварсан, первый эффективный препарат от этой болезни.

Триумф знания имел и темную сторону. За фасадом науки скрывалась и псевдонаука. Ее приверженцы утверждали, что люди не являются единым полиморфным видом, а якобы делятся на неравнозначные сорта: от арийской «расы господ» до негроидов, не достойных называться *Homo sapiens*. Где было удобнее всего проверить эти выкладки, как не в недавно приобретенных колониях? Африка снова стала лабораторией — на сей раз для расовой биологии.

В 1851 году Фрэнсис Гальтон, двоюродный брат Чарльза Дарвина, посетил Юго-Западную Африку. Антропометрические исследования Гальтона наследственности у людей заложили основы дисциплины, которую он назвал евгеникой — селекции ради улучшения человеческого генофонда. Важно отметить, что сто лет назад исследования, подобные гальтоновским, были передовыми. Расизм не считался реакционной идеологией, и люди, не имевшие научной подготовки, принимали его примерно с тем же энтузиазмом, как сейчас принимают теорию искусственного глобального потепления. Лишь во второй половине XX века евгеника и связанная с ней «расовая гигиена» были наконец дискредитированы благодаря открытию того, что генетические отличия между расами ничтожно малы, а вариации в пределах рас очень значительны.

Глава 5. Потребление

В основе вестернизации лежит одежда по очень простой причине. Истоки грандиозных экономических преобразований — названных историками Промышленной революцией, этого качественного скачка в материальных стандартах жизни растущего числа людей, — берут свое начало в текстильной промышленности. Но Промышленная революция не началась бы в Англии и не распространилась бы на Западе без одновременного развития динамичного общества потребления с почти бесконечно эластичным спросом на дешевую одежду. Чудо индустриализации, которое почти все ее критики упустили из виду, состояло в том, что рабочий был одновременно и потребителем.

В наши дни общество потребления распространено повсеместно, и можно подумать, будто оно существовало всегда. На самом деле это одна из последних новинок, которые позволили Западу всех превзойти. Поразительная особенность общества потребления — его привлекательность.

Во второй половине XIX века индустриализация шла в двух обширных регионах: на Северо-Востоке США и от Глазго до Варшавы (даже до Москвы). В 1800 году 7 из 10 крупнейших городов мира еще были азиатскими. Пекин все еще был больше Лондона. К 1900 году (в значительной степени из-за Промышленной революции) лишь 1 из 10 крупнейших городов мира был азиатским. Остальные находились в Европе или в Америке.

Маркс и Энгельс ошиблись в двух отношениях. Богатство действительно концентрировалось у капиталистов, но они осознали то, чего не понял Маркс: рабочие — тоже потребители, и поэтому не имело никакого смысла снижать их заработную плату до прожиточного минимума. Напротив, как показывал пример США, для большинства капиталистических предприятий не было потенциального рынка шире их собственных работников. Вторая ошибка Маркса и Энгельса состояла в недооценке ими способности государства XIX века к адаптации, особенно если оно превратилось в национальное государство. Национализм всегда превосходил социализм: у первого был стиль.

Национальные государства строились не ради сохранения привилегий обеспокоенных землевладельческих элит Европы. Такие образования, как Италия или Германия, вобравшие в себя множество крошечных государств, предложили их гражданам некоторые компенсации: экономику совсем другого масштаба, сетевые экстерналии, снижение транзакционных издержек, а также более эффективное предоставление ключевых общественных благ наподобие правопорядка, инфраструктуры и здравоохранения. Новые государства наконец смогли сделать безопасными крупные города Европы — рассадники холеры и революции. Снос трущоб, слишком широкие для баррикад бульвары, большие церкви, тенистые парки, стадионы и, прежде всего, увеличение штата полицейских — все это преобразило европейские столицы.

К 1910 году мировая экономическая интеграция достигла невиданных размеров. Общая длина железных дорог США в то время равнялась 13 экваторам. Брутто-вместимость судна «Мавритания» (1907) в 46 раз превышала показатель «Сириуса» (1838), а мощность двигателей — в 219 раз. «Мавритания» пересекла Атлантику более чем в 3 раза быстрее «Сириуса», за 9,5 дня вместо 16, причем с большим грузом.

Открылись границы для трудовой миграции. В 1840–1940 годах в Северную и Южную Америку переехали около 58 миллионов европейцев; в Сибирь, Среднюю Азию и Маньчжурию — 51 миллион русских; в Юго-Восточную Азию, Австралию и на побережье Индийского океана — 52 миллионов индийцев и китайцев. В 1910 году каждый седьмой американец родился не в Америке — недостижимый до сих пор уровень.

Возможно, самым наглядным аспектом той, первой глобализации, было изготовление готового платья. Явно западная манера одеваться с удивительной скоростью распространилась по всему миру, сделав традиционные костюмы достоянием истории. Модная революция в Японии свершилась в 70-х годах XIX века. Эта перемена была вдохновлена двухлетней поездкой по США и Европе (1871–1873) посольства во главе с министром Ивакура Томоми. Последний вынужден был признать, что после веков добровольной изоляции «наша цивилизация во многих отношениях уступает их цивилизации»⁵⁵. Уже в 1853–1854 годах, когда «черные корабли» американского коммодора Мэттью К. Перри открыли Японию для внешней торговли, японцы изо всех сил пытались понять, как Запад стал богаче и сильнее. Путешествия на Запад (практика настолько обычная, что она вдохновила японцев на создание настольной игры сугороку) вызвали еще больше вопросов. Может быть, секрет успеха кроется в политической системе? В образовании? Культуре? В модах? Растерявшиеся японцы решили рискнуть. Они скопировали все, начиная с конституции (1889) в духе прусской и заканчивая британским золотым стандартом (1897). Все институты Японии были переделаны на западный манер. Солдат муштровали как немецких, моряков — как английских. Как в Америке, открылись государственные начальные и средние школы. Японцы стали есть говядину, прежде бывшую табу, а радикалы предлагали даже отказаться от родного языка в пользу английского.

Однако самое заметное изменение произошло в облике японцев. Все началось в 1870 году с судебного запрета на чернение зубов и выбривание бровей. Министры начали стричься по западной моде. Императорский указ 1871 года предписал высшим чиновникам облачиться в *ёфуку* — сюртук и белую рубашку с жестким воротничком. К 1887 эта форма одежды стала обычной для государственных служащих.

Японцы поняли, насколько мощным двигателем перемен была западная одежда. Это больше, нежели смена имиджа: Япония стала первым незападным обществом, подвергшимся преобразующему влиянию Промышленной революции. Ни одна другая азиатская страна не перенимала западный образ жизни охотнее, чем Япония. Националисты в Индии после 1947 года, напротив, придерживались местной манеры одеваться.

Англичане не прятали новую технику, а напротив, распространяли ее. В Индии текстильные фабрики, паровозы и железные дороги появились раньше, чем в Японии. К началу XX века текстильное оборудование и уголь в Азии стоили не дороже, чем в континентальной Европе. Заработная плата составляла 16% английского показателя. Закон не ограничивал, как в Англии, рабочее время на азиатских фабриках. Хлопок-сырец был под рукой. И все же промышленного взлета не произошло ни в Индии, ни в Китае (там труд стоил еще дешевле). Причина вот в чем: хотя труд в Индии и Китае и был дешевле, это преимущество нивелировалось плачевно низкой производительностью труда. Гораздо труднее объяснить, как Япония добилась настолько быстрого роста производительности труда, что к 30-м годам XX века 15% бомбейских ткацких фабрик закрылись.

Пришедшая после инфляции начала 20-х годов дефляция начала 30-х годов нанесла смертельный удар вильсоновской мечте о Европе, основанной на национальной государственности и демократии. Кризис капиталистической экономики США привел к ослаблению фондового рынка Америки на 89%, снижению объема производства на треть, падению потребительских цен на четверть и росту уровня безработицы более чем на четверть. Поскольку правительства стремились защитить национальную промышленность путем повышения ввозных пошлин, глобализация остановилась. В 1929–1932 годах объем мировой торговли сократился на треть. Большинство стран прибегло (в разных вариантах) к

отказу от платежа по долгам, девальвации валюты, введению протекционистских тарифов, импортных квот и запретов на ввоз, монополии на импорт и экспортных премий.

Если бы холодная война перешла в «горячую» фазу, весьма вероятно, что победа осталась бы за СССР. Советский Союз обладал политической системой, гораздо лучше приспособленной к военным потерям, а его экономика идеально подходила для массового производства сложного вооружения. Как оказалось, холодная война скорее имела отношение к маслу, нежели к пушкам, и скорее к играм с мячом, нежели к бомбам. США предложили более привлекательную мирную жизнь, чем Советы. Это произошло не только из-за изначального преимущества в обеспеченности ресурсами, но и потому, что централизованное экономическое планирование, незаменимое в ядерной гонке, совершенно не подходило для удовлетворения нужд потребителей. Это понял главный оппонент Кейнса — австрийский экономист Фридрих фон Хайек, который в книге [Дорога к рабству](#) (1945) угваривал Западную Европу сопротивляться химере планирования в мирное время.

После войны общество потребления в США стало массовым явлением. В 1930 году, когда наступила Великая депрессия, более чем у половины американских домохозяйств имелись электричество, автомобиль и холодильник. К 1960 году примерно у 80% американцев было не только это, но и телефон. И скорость, с которой распространялись новые потребительские товары длительного пользования, росла. Стиральную машину изобрели в 1926 году, а к 1965 году она имелась у половины домохозяйств. В 1945 году был сконструирован кондиционер воздуха; в 1974 году он присутствовал более чем в половине домов.

Стамбул — многонациональный город, где западная одежда очень давно стала привычной. На главной торговой улице Истикляль вы увидите почти то же, что и повсюду в Средиземноморье. А вот в районе Фатих около мечети султана Ахмета картина совершенно иная. По мнению набожных мусульман, требования к женской одежде на Западе вопиюще недостаточны, поскольку она открывает гораздо больше предписанного. Поэтому в мусульманской Турции в обиход возвращаются головные платки, покрывала никаб или химар, свободное черное платье, целиком закрывающее тело. Исламисты утверждают, что ношение одежды, закрывающей тело, — лишь безобидное право, которое некоторые женщины свободно желают осуществлять. В действительности, однако, отмена запрета на ношение платка является пунктом широкой повестки, нацеленной на введение в Турции норм шариата и ограничение прав женщин. Турция, некогда ориентированная на США страна НАТО, кандидат на вступление в ЕС, — явно разворачивается на восток и соперничает с Ираном за лидерство в мусульманском мире, как в дни былого османского могущества.

Глава 6. Работа

Со времен Реформации, которая привела многие североевропейские государства к разрыву с римско-католической церковью, полюс экономического могущества сместился от католических Австрии, Франции, Италии, Португалии, Испании к протестантским Англии, Голландии, Пруссии, Саксонии и Шотландии. Стало казаться, будто вероисповедание и обрядность некоторым образом коррелируют с материальным достатком. Вопрос заключается в следующем: что особого в протестантизме? Что в учении Лютера и его преемников поощряло людей не только упорно трудиться, но и накапливать капитал? Наиболее популярный ответ на эти вопросы нашел склонный к депрессии немецкий профессор Макс Вебер — отец современной социологии и автор термина «протестантская этика».

До Реформации набожность отделяли от мирской суеты. Ссуживание под процент считалось грехом. Шансов у богача попасть в Царство Небесное было куда меньше, чем у бедняка. Награда за благочестие в земной жизни ждала человека в загробной. После 20-х годов XVI века, по крайней мере в странах, охваченных Реформацией, все изменилось. Вебер задался вопросом, что в Реформации было такого, что сделало север Европы восприимчивее к капитализму, чем юг. В поисках ответа ученый пересек океан.

Когда Вебер возвратился в Гейдельберг, он написал вторую часть работы [Протестантская этика и дух капитализма](#). В этой книге один из самых важных аргументов в дискуссии о западной цивилизации: ее экономический динамизм есть случайное следствие Реформации. В то время как другие религии связывали святость с отказом от всего мирского (монахи в монастырях, отшельники в пещерах), протестантские секты увидели в промышленности и бережливости своего рода набожность. «Неустанный труд» был самым верным знаком того, что вы принадлежите к избранным, к группе

людей, predeterminedенных Богом к спасению. Протестантская религия «освобождала приобретательство от психологического гнета традиционалистской этики, разрывала оковы, ограничивавшие стремление к наживе, превращая его не только в законное, но и в угодное Богу... занятие». Более того, протестантская этика предоставляла капиталистам «трезвых, добросовестных, чрезвычайно трудолюбивых рабочих, рассматривавших свою деятельность как угодную Богу цель жизни». На протяжении истории люди по большей части работали для того, чтобы жить. Протестанты жили, чтобы работать.

Тезис Вебера не бесспорен. Для Вебера стала загадкой экономическая деятельность евреев. Вебер оказался на удивление слеп и к успехам католических предпринимателей Франции, Бельгии и других стран. Вообще, обращение с фактами — одно из главных недостатков его книги. Ученые позднее поставили под сомнение главный вывод Вебера о связи вероучения с моделью экономического поведения. Так, движение к духу капитализма отмечено еще до Реформации в ломбардских и фландрских городах, а многие ведущие деятели Реформации выражали отчетливо антикапиталистические взгляды.

Однако есть причины думать, что Вебер, даже ошибочно указав причины явления, установил нечто важное. Как он и указывал, после Реформации протестантские страны Европы развивались быстрее католических, и в 1700 году доход на душу населения этих стран сравнялся, а к 1940 году показатель протестантских стран превысил показатель католических на 40%. Экономическое положение бывших колоний протестантских стран с 50-х годов было лучше положения колоний католических стран, хотя религия и не является достаточным объяснением этого. Из-за того, что Лютер находил очень важным индивидуальное изучение Библии, протестантизм поощрял грамотность, не говоря уже о печати, а эти две вещи, бесспорно, поощряли экономическое развитие (накопление «человеческого капитала»), а также науку.

Именно благодаря протестантским миссионерам в английских колониях школу посещало детей в среднем в 4–5 раз больше, чем в колониях других стран. Недавние опросы показывают, что для протестантов характерен необычно высокий уровень взаимного доверия — важного условия развития эффективной кредитной сети. Представляется, что верования (но не обрядность) и экономический рост, в общем, взаимосвязаны.

Религия важна. Мы увидели, какую роль сыграла конфуцианская «этика недеяния» в отказе императорского Китая от конкурентной организационной структуры, которая способствовала переменам в Западной Европе — даже если Китай и был далек от статичного общества, описанного Вебером в работе «Конфуцианство и даосизм» (1916) — продолжении «Протестантской этики». Мы увидели, как власть имамов и мулл устранила любую возможность научной революции в исламском мире. Мы также увидели, как католическая церковь тормозила экономическое развитие Южной Америки.

Возникает вопрос: утратил ли Запад и свою веру, и сопутствующую ей этику?

Наши современники-европейцы — самые большие на планете бездельники. В среднем они работают меньше американцев и гораздо меньше азиатов. Из-за долгого обучения и раннего выхода на пенсию работает меньшая доля европейцев. Например, трудится всего 54% бельгийцев и греков старше 15 лет (сравните с 65% американцев и 74% китайцев). Поразительно, но разница в режиме работы по разные стороны Атлантики почти совпадает с разницей в уровне религиозности. Только 4% норвежцев и шведов, 8% французов и немцев посещают богослужения хотя бы раз в неделю (сравните с 36% американцев, 44% индийцев, 48% бразильцев и 78% африканцев, живущих южнее Сахары).

Честертону, вопреки распространенному мнению, не принадлежит афоризм: «Проблема атеизма не в том, что, когда люди прекращают верить в Бога, они не верят ни во что. Напротив, они верят всему». Честертон опасался упадка христианства в Великобритании, поскольку в этом случае суеверия «поглотят весь ваш старый рационализм и скептицизм». Запад наводнили постмодернистские культы, от ароматерапии до дзэна и искусства ухода за мотоциклом, и ни один из них не предлагает ничего столь же экономически стимулирующего или связующего, как протестантская этика. Хуже того: духовный вакуум делает западноевропейские общества уязвимыми для зловещих планов меньшинства, у которого есть и вера, и стремление расширить власть и влияние веры в странах, приютивших этих людей.

Гиббон в [Истории упадка и крушения Римской империи](#) охватил более 1400 лет: с 180 до 1590 года. Может ли современная западная цивилизация пасть? Большинство ученых согласны с тем, что человечество рискует столкнуться с катастрофическими изменениями климата. Большинство тех, кто обсуждает эти проблемы, не имеет достаточных научных знаний (я тоже), чтобы оценить факты. В концепции экологической катастрофы нас привлекают не столько данные, сколько узнаваемость пророчества о конце света.

Заключение. Соперники

Столетиями историки, политологи, антропологи и общественность в целом описывали возвышение и крах цивилизаций как процесс циклический или стадиальный. В 12-томном [Постижении истории](#) Арнольд Тойнби (1936–1954) описал следующий цикл: «вызов среды», ответ «творческого меньшинства», а после надлом, упадок и разложение (самоубийство цивилизации), когда лидеры перестают отвечать на вызовы достаточно творчески.

Антрополог Джаред Даймонд поразил воображение публики собственной «большой теорией». В книге [Коллапс](#) (2005) он рассказал о пустых городах майя: «То были следы утонченного, изысканного, своеобразного народа, который миновал все состояния на пути возвышения и упадка наций, достиг своего 'золотого века' и исчез». Согласно Даймонду, майя угодили в мальтузианскую ловушку: население увеличилось настолько, что его не смогло прокормить нестабильное, малопродуктивное сельское хозяйство. Рост населения повлек за собой расширение обрабатываемых земель, а это, в свою очередь, — сведение лесов, засухи, эрозию и истощение почв. Это привело к гражданской войне за скудные ресурсы и, наконец, к коллапсу.

Цивилизации — это очень сложные системы, включающие множество асимметрично организованных элементов, так что они сильнее напоминают термитник в намибийской пустыне, чем древнеегипетскую пирамиду. Такие системы, по выражению Кристофера Лэнгтона, балансируют «на краю хаоса». Они могут, постоянно приспосабливаясь, некоторое время казаться стабильными, но затем вдруг наступает «критическая фаза». Малое возмущение может спровоцировать «фазовый переход» от умеренного равновесия к кризису (см., например, [Илья Пригожин. Порядок из хаоса](#)).

Некоторые ученые утверждают даже, что сложные системы полностью недетерминированы, а это значит, что на основе данных об их состоянии в прошлом почти невозможно построить прогноз. Например, не бывает «типичного» или «среднего» лесного пожара. Распределение лесных пожаров по величине далеко от нормального, при котором большинство пожаров группируется вокруг среднего значения. Экспоненциальное распределение удивительно широко распространено в природе. Оно проявляется не только в случае лесных пожаров, но и землетрясений и эпидемий.

Политические и экономические структуры также обладают чертами сложных систем. По мнению Нассима Николаса Талеба, к весне 2007 года мировая экономика стала напоминать перегруженную электросеть (подробнее см. [Нассим Николас Талеб. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса](#)). Сравнительно небольшого «скачка напряжения» — краха американского рынка субстандартного ипотечного кредитования — оказалось достаточно для финансового «блэкаута», который некоторое время угрожал вызвать коллапс международной торговли. Ученые из Института Санта-Фе сейчас выясняют, как такие идеи могут быть применены к другим аспектам коллективной человеческой деятельности, в том числе к метаистории.

Войны имеют еще менее нормальное распределение, чем финансовые кризисы. Физик и метеоролог Льюис Ф. Ричардсон сгруппировал «смертельные споры» (от убийств до мировых войн) в зависимости от их величины, находя десятичный логарифм от общего количества смертей. Теракт, унесший жизни 100 человек, является конфликтом величины 2, а война с 1 миллионом жертв — конфликтом величины 6. В период 1815-1945 годов Ричардсон выделил более 300 конфликтов величины 2,5 и выше (то есть повлекшие гибель более 300 человек). Из них в двух войнах величины 7 (мировых) погибло не менее 36 миллионов человек (60% общего числа жертв), без учета жертв голода или болезней, связанных с войной, а в миллионах убийств величины 0 (1, 2 или 3 жертвы) — 9,7 миллиона (16%). Эти данные на первый взгляд случайны, однако и они подчиняются степенному закону.

Цивилизация — очень сложная система. Неудивительно, что цивилизации демонстрируют многие из признаков природных сложных систем, в том числе тенденцию к внезапному переходу от

устойчивости к неустойчивости. Западная цивилизация в первом своем воплощении — Римской империи — не пришла в упадок постепенно, а рухнула в начале V века в течение жизни одного поколения, опрокинутая варварами. Относительно быстрый крах стал лейтмотивом этой книги. В 1530 году инки были хозяевами всего, что они видели из высокогорных городов в Андах, и все же менее чем за десятилетие пришельцы с лошадьми, порохом и смертельными инфекциями разгромили их империю. Государство Мин в середине XVII века тоже ждал скоростный конец, и вновь переход от равновесия к анархии занял чуть больше 10 лет. Последний известный пример стремительного заката — конечно, крах СССР.

Можно ли сделать что-либо, чтобы спасти западную цивилизацию от крушения? Во-первых, мы не должны быть уж слишком фаталистами. Конечно, у нас уже нет монополии на орудия, некогда возвысившие Запад над остальным миром. Сейчас у китайцев есть капитализм, у иранцев — наука, у русских — демократия. Африканцы осваивают (но медленно) современную медицину, а у турок есть потребительское общество. Но это значит, что западные методы не устарели, а, напротив, с успехом применяются почти везде, кроме нескольких «очагов сопротивления». Все больше жителей незападного мира спит, моется, одевается, работает, играет, ест, пьет и путешествует так, как и жители Запада.